

КРАЙ ЛЮБИМЫЙ, КРАЙ КАМЧАТСКИЙ

СЕГОДНЯ мы печатаем страницы из записной книжки корякского поэта Иннокентия Яганова — секретаря сельсовета из поселка Лесная, что на самом севере Камчатки.

Читая эти заметки, мы вместе с автором путешествуем по нашей Камчатке, всматриваемся пристально в ее просторы, дышим красотой.

МНОГО, много раз проезжаю я этот перевал. На несколько километров раскинулся здесь березняк. Но, кроме березы, растут и стройные тополя, смуглянка-ольха, ветвистые тальники.

Знакомы мне каждое дерево и каждый кустик, ручеек и родник, сопка и распадок. Об этом можно писать былины, сказывать сказки.

Люди говорят, что злыми и добрыми могут быть только люди, животные. А вот и нет. Среди деревьев, представьте, встречаются тоже злые и добрые, веселые и грустные, щедрые и эгоисты-себялюбцы.

Люблю лес. С его шорохами, изумительным запахом.

Едешь по дороге. Молодая береза своими влажными, нежными ветками, словно любимая девушка, погладит тебя по щеке. На сердце радостно. Или не успеешь оглянуться, — хлестнет тебя по руке какая-нибудь озорная ветка. Попытаешься поймать ее, а ветка уже далеко в сторонке. Улыбнешься да погрозил ей пальцем. Живет своей жизнью знакомый березняк. Со своими радостями, огорчениями. Многие деревья своим характером, поведением очень напоминают некоторых наших людей. У них есть что-то общее.

К чему привело легкомыслие

Какая изумительно красивая, гибкая березка стояла на полянке! Любуясь ею, всякий думал: «Эх, посадить бы ее около дома. Какое украшение!». Вокруг нее стояли молоденькие стройные тополя. Каждый из них надеялся, что именно к нему, к его кроне, навечно склонится милая березка. Чтобы вместе, вдвоем, поддерживая друг друга, переносить бури, невзгоды. И вот молодая веселая березка наклоняется к одному дереву, о чем-то шепчется с ним, потом, смотришь, она уже кокетничает с другим. И предпочтения никому.

А время идет. Однажды разыгралась непогода — бушевала буря. Крепко досталось моему любимому березняку. Проезжая место, где росла березка, я так и ахнул: она лежала на земле, сложенная сильным ветром. Бедная-бедная! Во время бури она, конечно, наклонялась то к одному, то к другому дереву, ища поддержки. А эти молодые тополя решили, видно, отплатить березке за ее непостоянство. И, не найдя опоры, обессиленная, так и рухнула на землю. И лежит она теперь никому не нужная. Ни сделать из нее полозья для оленьих нарт, ни полюбоваться ею.

Да...

Сплетники

Помню, стояли у дороги, прижавшись друг к другу, две старые березы. Кора покоробилась, во многих местах стала морщинистой. Многие, видно, увидели они на своем веку, о многом могли бы рассказать молодым деревцам.

Но с молодой порослью старые деревья знаться не хотели. Стоят обособленно, целый день на ветру шепчутся. И скрипят, скрипят...

О чем же они скрипят, эти старые ворчуны? Да так, о пустяках. Вот, мол, был у той березки хороший дружок. Потом его не стало, а она не долго горевала — ушла к другому. У старого тополя, мол, кора уже лопается, а он все к молодым деревцам льнет. И так целый день судачат. Даже, когда ветер чуть-чуть дунет, они все равно ворчат.

Однажды мы ночевали как раз возле этих деревьев. Мы устали от езды, хотелось отдохнуть. Выпили чаю, задремали. Но старые березы не давали нам покоя, перемывая косточки своим знакомым. Решили взяться за топоры. Через минуту одно дерево лежало на земле. Скрип прекратился...

Эгоист

Рос возле дороги молодой тополь. Самый обыкновенный. Проходящим путникам было от него много радости. По утрам в листьях его блестели капельки росы. Станет человеку жарко, побрызгает тополь на него прохладной водичкой. Отстающую лошадь он подгонит упругой веткой. А лежачего сонного путника не прочь отхлестать по щеке. Едешь, мол, по лесу,

смотри в оба! А осенью, во время листопада, обязательно на память засунет за воротник или за голенище сапога свой позолоченный желтенький листочек. Одним словом, это дерево всегда было на виду! Все им любовались.

Как-то весной по первой дороге я проезжал эти места. Думал, как-то мой знакомые перенесли суровую зиму? Где то веселое, жизнерадостное дерево? Издали заметил его. Но что с ним случилось? Теперь весь ствол, все ветки наклонились совсем в другую сторону. Отвернулся тополь от дороги. Ни на кого смотреть не хочет. Суровая зима не закалила его, не прибавила ему мудрости. Ожесточился.

Ему нет никакого дела до других. Иной раз не вытерпишь, — схватишь тополиные ветки, наклонишь их к дороге.

— Да повернись же ты, как прежде, к людям, окаянный! Что же ты злишься на всех?

Тополь взмахивает ветками. И снова отворачивается. Стоит, в своем переживании углублен.

Хоть бы что-нибудь другим подарил, ну, хотя бы охапку листьев медведю, что ли...

Разные могут быть в жизни бури. И по-разному их переносят деревья. Одни после перенесенных невзгод расцветают еще пышнее, ярче. Другие замыкаются в себе. Так обычно делают эгоисты.

Все, что мешает, уберем с дороги!

Кто не любовался этим красивым, могучим деревом! Даже нелюбитель природы — и то оглянется на него. Какая красота, какая сила! Из него можно сделать целую марту для собачьих упряжек. Да мало ли что можно сделать! В жару под ним может укрыться целая бригада каюров. Листья и лошадей прикроет. А вот пропало дерево...

Однажды, после долгого перерыва, поехал по знакомой дороге. Торопился. Вдруг лошадь остановилась. Впереди, низко склонив свои мощные ветки набок, стояло знакомое дерево. Своим стволом, как грудью, загородило дорогу. Огляделся по сторонам. Далеко в обход, по неудобным местам, люди проложили новую тропу.

С грустью посмотрел я на дерево. Оно своим нахальным, вызывающим видом как бы говорило:

— Какое я сильное! Сильнее всех. Все меня боятся. Все меня обходят.

Действительно, все его обходили. Если кто-то проезжал под ним, с него обязательно срывало шапку, а у чайника, привязанного к седлу, бока становились мятыми.

Пришлось и мне обходить. При этом моя лошадь чуть не застряла на топком месте.

Возвращался домой уже с несколькими товарищами. Среди них был один парень, бесшабашный, неугомонный весельчак. Почтальон. Он вечно спешит. Спешит скорее доставить письма адресатам. Спешит скорее доехать до села, перебраться шутками с местными девчатами. Мы едва поспевали за ним. Мы отставали. Его переливчатый свист, его веселые песни слышались где-то впереди.

Вдруг слышим: тук-тук. Неужели Алешка собирается развести костер, чтобы сварить чай? Ох, и любит он чай! Кто из каюров не любит? Смотрим: стоит на коленях наш почтальон да небольшим топориком рубит под корешок то самое, злополучное, дерево. Слезает с лошадей. По очереди работаем топором. Вспотели. Наконец, загремев ветками, дерево грохнулось на землю.

Мы сели на ствол. Закурили. Некурящие вдыхали чудный аромат лесного воздуха, смотрели на тропу. Теперь дорога свободна. Если бы не мы, все равно кто-то другой срубил бы это дерево. Потому что в лесу каюры, привычные к гундровым просторам, никогда не терпят, чтобы им преграждали дорогу, мешали двигаться вперед. Не топором — так руками раскорчуют любые заросли.